

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

О
Т
Р
А
К
Т
О
Р
А

Азиатско-Тихоокеанский регион во главе с Китаем обретает все большее значение в международной безопасности, и от стратегии стран именно этого региона во все большей степени начинают зависеть показатели безопасности во всем мире, будь то безопасность в традиционном понимании, экономическая безопасность либо новые вызовы. Станет ли XXI век *Азиатским веком* в той же степени, как век XX был веком *Запада*? Возрастет ли реально роль Азии настолько, чтобы быть определяющей в системе международных отношений?

Налицо присутствие факторов, которые явно свидетельствуют о смещении центра тяжести мировой политики из Атлантического океана в Тихий. *Во-первых*, с мировым экономическим кризисом азиатские государства справились намного лучше, чем Европа и США (рост ВВП не уходил на *отрицательную территорию* и в среднем для АТР составил 0,5% в 2009 г., в то время как в Европе этот показатель составлял примерно -4%). Военные расходы стран АТР неуклонно росли даже в период экономического кризиса. *Во-вторых*, экономический рост сопровождается ростом энергопотребления, таким образом, Атлантический бассейн торговли углеводородами (учитывая также частичный отказ Японии от использования атомной энергии) также приобретает все большую значимость. В своем новом обзоре мировой энергетики специалисты *ВР* отмечают, что «центр гравитации мирового потребления энергоресурсов смещается от стран ОЭСР в сторону развивающихся экономик, прежде всего в Азии», при этом ископаемые виды топлива (нефть, газ, уголь) остаются основными источниками энергии, обеспечивая порядка 87% потребностей. Потребление энергии в 2011 г. выросло, и 71% этого роста обеспечил Китай.

Эти два фактора наглядно демонстрируют, что происходит изменение баланса. Естественно, это отражается и на политических отношениях как на мировом уровне, так и на региональном. Это очевидно на одном достаточно интересном примере, который зазвучал по-новому в конце 2011 г. Речь идет об идее создания зоны свободной торговли.

Создание зоны свободной торговли подразумевает отмену таможенных пошлин и количественных ограничений в торговых отношениях, что влечет за собой такие последствия, как рост конкуренции и укрупнение рынков. Как правило, эти факторы считаются *позитивными*, однако не всегда интеграция в форме зоны свободной торговли оказывается полезной для развития национальной экономики — проблема здесь возникает в связи с тем, что интеграция между экономиками различного уровня — более развитыми и развивающимися; с разными уровнями зарплат в одних и тех же отрас-

лях, которые являются *специальными* сразу для нескольких стран — может повлечь за собой ухудшение положения в менее конкурентоспособной на региональном уровне отрасли в одной из стран.

Тема региональных зон свободной торговли в АТР, в общем, стала одной из многих арен стратегического противостояния США и Китая. Вот уже 10 лет как идея создания трехсторонней зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей витает в воздухе, и 13 мая было все-таки анонсировано создание зоны на базе трехстороннего соглашения о защите инвестиций. Три страны вместе производят почти пятую часть мирового ВВП и дают около 18% мирового экспорта, поэтому их объединение в зону свободной торговли станет значительным событием. Однако добиться эффективного функционирования такой зоны будет достаточно сложно. Во всех трех странах есть группы, для которых открытость к свободной конкуренции будет нежелательна. В их числе — японские фермеры, китайские национальные компании, южнокорейские компании, нацеленные на активизацию экспорта за счет подписания двухстороннего соглашения с Китаем, обходящего Японию, поэтому соглашение в любом случае будет содержать много исключений.

При всех сдерживающих факторах у трехсторонней зоны все же могут быть перспективы. Китай является крупнейшим торговым партнером и для Японии, и для Республики Корея. Все три страны осознают, что их будущее тесно связано и что необходимо преодолеть враждебность, связанную с историческим прошлым, а также снять барьеры, затрудняющие собственный экспорт. Наконец, трехстороннее соглашение о защите инвестиций, которое должно лечь в основу зоны свободной торговли, уже заключено.

По словам некоторых экспертов, проект трехсторонней зоны в дальнейшем должен слиться с Транстихоокеанским партнерством (ТТП), которое активно продвигают США, и образовать грандиозную Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли. Однако на деле ТТП не является комплементарным по отношению к зонам свободной торговли, продвигаемым Китаем (трехсторонняя зона свободной торговли и уже действующая зона КНР-АСЕАН). Транстихоокеанское партнерство — самый обширный по охвату сфер экономики проект зоны свободной торговли из всех существующих и никак не состыкуется с теми ограничениями, которые могут возникнуть на этапе трехсторонней интеграции Китая, Японии и Республики Корея.

Для стран, рассматривающих возможность вступления в ТТП, встает вопрос о совершении осознанного шага в сторону более конкурентной экономики. К примеру, японские компании без участия в ТТП (как докладывают специалисты британского *Экономиста*) будут вынуждены конкурировать с южнокорейскими, имеющими некоторые преимущества в результате многочисленных договоров о свободной торговле, которые в последнее время были заключены южнокорейским правительством. Поэтому вопрос конкуренции с Южной Кореей теоретически может повлиять на позитивное, несмотря на необходимость определенных уступок, решение по проекту ТТП. Как уже было отмечено выше, такие дилеммы возникают в любом проекте торговой интеграции, будь то трехстороннее объединение или же соглашение с участием десяти и более стран. Если в ТТП вступит Япония, это станет чем-то большим, чем еще одна инициатива в АТР, которая остается только на бумаге. Поэтому отсутствие на сегодняшний день какого-либо продвижения в японской позиции в отношении ТТП является главным камнем преткновения для проекта.

Мотивации любой из стран Восточной Азии и для присоединения к проекту ТТП, и для образования трехсторонней зоны свободной торговли в корне одинаковы. Потребуется модернизация внутренней экономической системы, что одними странами воспринимается как позитивный момент (как,

например, в случае с Китаем и вступлением в ВТО), другими — как дополнительная сложность (как в случае с Японией, опасющейся экономической интеграции). Так или иначе, в центре останутся отношения внутри *Восточноазиатской тройки*, которые и определяют будущее интеграционных механизмов в АТР.

Возможно, со мной не согласятся **участники расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**, круглый стол по результатам которого мы публикуем в этом номере. В частности, торгово-экономические инициативы, судя по всему, не являются приоритетными для России. Приглашаем читателей к дискуссии по данному вопросу! Интересы *Восточноазиатской тройки* и возможности России по взаимодействию с этими странами в рамках Саммита АТЭС и на дальнейшую перспективу, включая не только политические инициативы, но и торговые, рассмотрены в статье Юлии **Крячкиной**.

Номер, который Вы держите в руках, конечно, не обошел вниманием наши традиционные темы — ядерное нераспространение и подходы к обеспечению ядерной безопасности (здесь надо отметить и интервью с исполнительными секретарем Подготовительного комитета ОДВЗЯИ Тибором **Тотом**), развитие атомной энергетики (перспективы развития данной отрасли на Ближнем Востоке анализирует Джакомо **Лучиани**, перспективы сотрудничества России и Украины — Маргарита **Клочкова**). И все же традиционные темы приобретают новое звучание в новом региональном срезе: Татьяна **Аничкина** пишет о ядерном зонтике США в Восточной Азии; Александр **Колбин** — о будущем ядерной стратегии КНР. Насколько устойчиво это направление — покажет время и очередной пункт на новом маршруте Восточного экспресса.

Ирина Миронова
Заместитель главного редактора

